

А.П. Голубцов

**Из чтений по церковной
археологии и литургике**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А.П. Голубцов**
Из чтений по церковной археологии и литургике / А.П. Голубцов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 290 с.

ISBN 978-5-458-23477-1

ISBN 978-5-458-23477-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лѣе права, чѣмъ всѣ другія antiquitates. Удаленіе ихъ было бы равносильно удаленію изъ объема общей археологіи этнографіи; но вещественные памятники быта и искусства стоятъ въ такой тѣсной связи съ потребностями народной жизни и ея укоренившимися обрядами и вѣрованіями, что только въ нихъ и при связи съ ними получаютъ свое историческое значеніе. Отдѣлите храмъ отъ того, что въ немъ совершается, забудьте образы, которые приурочиваются къ его отдѣльнымъ частямъ, стоятъ въ связи съ его устройствомъ, и вы получите какой-то остовъ, какую-то анатомическую массу безъ жизни и голоса. Чтобы понять назначеніе и отношеніе этихъ частей, вамъ нужно видѣть ихъ работу, т.-е. отправленія жизненныя, фізіологическія. Намъ даже нѣтъ нужды стѣсняться принятымъ на западѣ ограниченіемъ церковной археологіи первыми VI—VII вѣками. Классическая культура на востокѣ жила и заявляла себя гораздо дольше, чѣмъ это было на западѣ; связь древняго обряда съ позднѣйшимъ здѣсь никогда не прекращалась: древне-христіанскій обрядъ такъ или иначе измѣнялся, перерабатывался, какъ и все, что живетъ историческою жизнію принималъ новыя формы и осложненія, отбрасывалъ детали, не отвѣчавшія возникавшимъ новымъ религіознымъ потребностямъ, но, несмотря на то, всегда оставался вѣрнымъ древне-христіанской основѣ и служилъ ея выразителемъ.

Но, говоря о литургикѣ, какъ объ одномъ изъ содержательнѣйшихъ отдѣловъ нашего курса, мы разумѣемъ не толковательно - церковную доктрину, не изученіе *statu quo* нашего богослуженія по литургическимъ книгамъ, которыми долгое время ограничивала свою любознательность наша школьная литургика. Ссылаюсь на наши жиденскія руководства по этой части, на объемистый томъ нѣкогда классической книги по литургикѣ—*Новая скрижаль*, толкованія Сим. Солунскаго, чтобы дать понятіе объ этой односторонней постановкѣ науки церковнаго богослуженія. Я далеко отъ мысли считать основательное знакомство съ нашими богослужебными книгами излишнимъ или ненужнымъ. Это было бы педагогической безмыслицей. Но всему свое время: то, что я буду читать и какъ читать, возможно только при предположеніи, что наши слушатели уже знакомы съ матеріаломъ церковной службы, имѣютъ ясное представленіе о

ея ходъ, объ особенностяхъ литургической терминологіи и хорошо знакомы съ содержаніемъ отдѣльныхъ богослужбныхъ книгъ. То, что мы разумѣемъ подъ литургикой, будетъ состоять не въ изложеніи *statu quo* нашей церковной службы, не въ изъясненіи ея смысла по извѣстнымъ приемамъ школьной экзегетики, а въ опредѣленіи историческихъ основъ богослуженія, въ историческомъ разъясненіи его формъ или генезиса. Въ этомъ, по моему убѣжденію, должно состоять сознательное отношеніе къ обряду церковному и его научное представленіе. Только при этомъ непремѣнномъ условіи можетъ быть строгая рѣчь о *наукѣ* церковнаго богослуженія. Признаемся, потребность въ ней у насъ развита сравнительно очень слабо, и самая мысль о такой наукѣ подвергалась не такъ давно сомнѣнію и вызывала нелестное представленіе о тѣхъ опытахъ, которые предъявлялись подъ этимъ именемъ въ нашей школьной литературѣ. Сомнѣніе это есть дѣло недоразумѣнія, и оно разсѣется само собою, когда въ теперешнемъ строѣ церковной службы и въ ея обрядовыхъ подробностяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ историческимъ матеріаломъ, будемъ видѣть не случайный наборъ обрядовъ, а послѣдовательно слагавшуюся систему, въ обработкѣ которой принимали участіе лучшія церковныя силы въ качествѣ организаторовъ обряда, составителей отдѣльныхъ службъ и ихъ толкованій. Къ этимъ послѣднимъ у насъ принято относиться односторонне и во всякомъ случаѣ недоцѣнивать ихъ историческаго значенія. Толкователей богослуженія—мистиковъ съ ихъ аллегорическими приемами объясненія обрядовъ одни считаютъ моралистами и уважаютъ за нравоучительное направленіе ихъ разсужденій, другіе почти что игнорируютъ за искусственность экзегетическихъ приемовъ, а третьи перецѣниваютъ, считая чуть ли не альфою и омегой литургической мудрости. Этимъ послѣднимъ качествомъ грѣшили особенно прежнія изложенія литургики. Не правы ни тѣ, ни другіе, ни третьи. Дѣло въ томъ, что толкователи, и схоластики и мистики, независимо отъ ихъ направленія, имѣютъ дѣло съ фактической стороною церковной службы и отправляются отъ современныхъ имъ ея деталей и такимъ образомъ даютъ историку обряда положительный литургическій матеріалъ. Только имъ надобно умѣючи воспользоваться. Это разъ. Затѣмъ, подобный же

историческій матеріалъ заключается и въ ихъ толкованіяхъ. Объясненія мистическія и аллегорическія не суть вымыселъ, чистая фикція расхолодившейся фантазіи. Если далеко не вездѣ и всегда, то во многихъ случаяхъ между толкованіемъ и толкуемымъ существуетъ внутренняя связь, изъ которой только и можно объяснить инныя толкованія, кажуціяся съ перваго взгляда совершенно отвлеченными и, пожалуй, несовсѣмъ толковыми. Вдумываясь въ толкованіе, изучая его при свѣтѣ фактическаго пониманія, эту связь открываешь гораздо чаще, чѣмъ можно думать, и невольно измѣняешь взглядъ на значеніе этихъ quasi искусственныхъ толкованій. Толкователи-мистики имѣли въ виду положительный церковный обрядъ, только они осмысливали его въ духѣ тогдашняго времени и выражали свое воззрѣніе на него въ такой формѣ, гдѣ соотношеніе между фактомъ и его значеніемъ имѣло условный смыслъ и выражалось мистическимъ языкомъ, принятымъ въ то время. Мало—разбить скорлупу, подъ оболочкой которой скрывается обрядовое содержаніе,— нужно присмотрѣться къ этой оболочкѣ и изучить ея особенности.

Въ противоположность памятникамъ христіанскаго искусства христіанское богослуженіе очень рано стало обращать на себя вниманіе. Въ ту пору, когда о памятникахъ церковнаго искусства вовсе не догадывались, о богослуженіи уже составлялись цѣлыя сочиненія, появлялись на свѣтъ сборники литургическаго матеріала и болѣе или менѣе подробныя записи отдѣльныхъ службъ. Впрочемъ, древніе писатели занимались преимущественно экзегетическою частію богослуженія, объясняли смыслъ обрядовыхъ формъ, оставаясь въ сторонѣ отъ всякихъ историческихъ задачъ. Вслѣдствіе этого и литература древнѣйшаго періода ограничивается почти одними сочиненіями литургико-экзегетическаго характера и не представляетъ ничего важнаго въ отношеніи христіанскаго богослуженія и для уясненія его исторіи. Но, несмотря на односторонность своего направленія, литература этого періода имѣетъ для насъ ту особенную важность, что знакомитъ съ самыми зачатками христіанскаго богослуженія, съ образованіемъ, развитіемъ и установкою главнѣйшихъ формъ христіанскаго обряда. Этотъ періодъ продолжается до временъ иконоборства и въ свою очередь распадается на

два большихъ отдѣла. Первый, въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ, представляетъ лишь первыя основы и зародыши литургическихъ формъ, скрытые подъ покровомъ тайнаго домашняго богослуженія. Второй, съ IV вѣка до иконоборства, обнимаетъ эпоху оживленной работы по части богослуженія: оно развивается и осложняется, получаетъ болѣе опредѣленный характеръ въ смыслѣ извѣстныхъ церковныхъ службъ и чинопослѣдованій и дѣлается открытымъ и общественнымъ. На общей основѣ перво-христіанскаго богослуженія складываются особыя богослужебныя формы въ восточной и западной половинѣ христіанскаго міра, и латинскій обрядъ мало-по-малу отклоняется отъ обряда церкви восточной. Съ VIII в. и далѣе, говоря приблизительно, начинается устанавливаться детальная сторона церковныхъ послѣдованій, и они складываются въ томъ видѣ, какъ существуютъ въ теперешнемъ Уставѣ. Съ этого времени начинается обработка церковнаго Устава, и въ церковное употребленіе входитъ множество гимнографическихъ произведеній. Со времени реформаціи начинается научная разработка литургики,—собираются, издаются и комментируются памятники богослужебной письменности.— Въ первомъ періодѣ мы не встрѣчаемъ самостоятельныхъ сочиненій, относящихся къ области богослуженія; этотъ періодъ даетъ только отдѣльныя указанія на тѣ или другія стороны церковнаго культа и сырой матеріалъ для изслѣдованія. Это была пора, когда молодое христіанское общество еще не въ состояніи было отнестись объективно къ происходившему процессу образованія литургическихъ формъ, когда оно жило въ этомъ процессѣ и изъ самого себя, какъ паутину, ткало нить этой религиозной сѣти. Кропотливое изученіе, конечно, у каждаго изъ писателей апостольскаго вѣка и у апологетовъ найдеть указаніе на тѣ или другія стороны богослужебнаго порядка, но болѣе важное значеніе для нашей цѣли имѣютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько именъ и нѣсколько сочиненій литургическаго характера. Таковы, на примѣръ, свѣдѣнія литургическія у Климента Римскаго, Іустина, Иринея и Тертуллиана и цѣлый рядъ весьма важныхъ и достойно оцененныхъ наукою данныхъ изъ сочиненій І. Златоуста. Въ своихъ поученіяхъ весьма много назидательныхъ чертъ онъ заимствовалъ изъ обрядовъ литургій, церковныхъ молитвъ

и вводилъ своихъ слушателей въ смыслъ совершавшихся предъ ними богослужебныхъ дѣйствій, особенно же важнѣйшей части литургіи. Къ болѣе полнымъ и систематически расположеннымъ литургическимъ источникамъ этого періода слѣдуетъ отнести Апостольскія Постановленія, которыя во II, V, VII и особенно въ VIII книгѣ представляютъ сборникъ послѣдованій и молитвъ, относящихся къ составу служебника и требника, а въ другихъ мѣстахъ даютъ очеркъ суточныхъ службъ и, что главнѣе всего, подробное изложеніе тогдашней литургіи (въ VIII книгѣ). Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ указаній на время происхожденія этого сборника. Но въ настоящемъ случаѣ, не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что, по заключенію серьезнѣйшихъ изслѣдователей этого памятника, первыя семь книгъ относятся къ III-му вѣку, а VIII-ая къ IV-му. Къ этому же времени, т.-е. къ IV вѣку, относятся и первыя записи литургій. Онѣ не дошли до насъ, а сохранился цѣлый рядъ истолковательныхъ литургическихъ сочиненій, изъ которыхъ большая часть относится къ объясненію литургіи. Эта серія писателей-литургистовъ, изъ которыхъ большая часть выходитъ за предѣлы отмѣченнаго нами періода, принадлежитъ ему только двумя именами: Кирилломъ Іерусалимскимъ и такъ называемымъ Діонисіемъ Ареопагитомъ.—Кириллъ Іерусалимскій въ качествѣ катехета объяснялъ ученіе вѣры и обряды богослуженія лицамъ, готовящимся ко крещенію и новопросвѣщеннымъ; первымъ онъ излагалъ символъ вѣры въ 17-ти поученіяхъ, а послѣднимъ, какъ полноправнымъ членамъ христіанской церкви,—и обряды таинствъ, остававшихся для непосвященныхъ закрытыми. Въ этихъ-то послѣднихъ поученіяхъ, такъ называемыхъ „словахъ тайноводственныхъ“, числомъ пяти, іерусалимскій катехетъ объяснилъ своимъ слушателямъ обряды крещенія, миропомазанія и евхаристіи. Объясняя содержаніе послѣдней, онъ представилъ краткій чинъ литургіи своей церкви, и это составляетъ содержаніе пятого тайноводственного слова.—Что касается до Діонисія Ареопагита, то его сочиненіе о „церковной іерархіи“ имѣетъ специально-литургическое содержаніе и представляетъ изложеніе и объясненіе обрядовъ, входящихъ въ составъ крещенія, освященія мира, посвященія въ церковныя степени, монашескаго постриженія и по-

гребенія. Къ сожалѣнію, точное опредѣленіе времени происхожденія какъ этого, такъ и другихъ извѣстныхъ съ именемъ Діонисія сочиненій, составляетъ спорный вопросъ, который рѣшается различно. Но, несмотря на всѣ попытки отстоять принадлежность „церковной іерархіи“ періоду мужей апостольскихъ, остаются неустранимыми весьма крупныя затрудненія и очевидные литургическіе анахронизмы. Къ тому же заключенію приводитъ и отсутствіе извѣстій о сочиненіяхъ Діонисія Ареопагита до VI вѣка.—Независимо отъ своего фактическаго достоинства литература, нами разсматриваемая, весьма важна въ экзегетическомъ отношеніи и представляетъ образчикъ двухъ направленій, изъ которыхъ одно держалось аллегорическаго пониманія обряда, а другое имѣло въ виду его непосредственный историческій смыслъ и можетъ быть названо буквальнымъ. Къ первому принадлежитъ Діонисій Ареопагитъ и слѣдующая за нимъ серія толкователей, каковы: Максимъ Исповѣдникъ, Симеонъ Солунскій и Николай Кавасила; ко второму—Кириллъ Іерусалимскій и отчасти Златоустъ. Въ срединѣ между этими направленіями стоятъ толкователи VI—VIII вв.: Софроній и Германъ. Въ хронологическомъ же отношеніи они слѣдуютъ другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Кириллъ Іерусалимскій, Діонисій Ареопагитъ, Максимъ Исповѣдникъ, патр. Германъ, сирскій толкователь Іаковъ Эдесскій и Хозрой великій, Теодоръ Андидъ, Симеонъ Солунскій, Николай Кавасила (половины XIV в.) и Маркъ Эфесскій, извѣстный дѣятель Флорентійскаго собора.

Толкованіе богослуженія предполагаетъ обрядъ уже прочнымъ и сложившимся, толкованіе опирается на обрядъ не только какъ на литургическій актъ, извѣстнымъ образомъ совершающійся, но объясняетъ его, какъ уже записанный, слѣдовательно совершающійся въ данной положительной формѣ. Это обстоятельство само собою обращаетъ наше вниманіе на новый и самый важный родъ литургическаго матеріала, служащаго капитальнымъ остаткомъ исторіи богослуженія,—разумѣемъ письменное изложеніе самыхъ службъ и обрядовъ или такъ называемыя богослужебныя книги. Ранѣе всѣхъ подверглось такой обработкѣ и появилась въ записяхъ литургія въ той части, которая въ древности называлась *ἀναφορά*, а теперь—канонъ евхаристіи и литур-

гіей вѣрныхъ. Далѣе были записаны обряды таинствъ и молитвы по поводу частныхъ событій жизни, нуждавшихся въ церковномъ освященіи. Изъ Постановленій Апостольскихъ и сочиненія о „церковной іерархіи“, также изъ Кирилла Іерусалимскаго видно, что всѣ эти обряды совершались въ однообразной формѣ и представляли сходство между собою даже въ изложеніи. Другія службы: вечерня, утреня, первоначально состояли изъ исполненія извѣстныхъ псалмовъ, къ которымъ присоединялись молитвы, а потому, тѣсно примыкали къ псалтири и не нуждались въ особомъ изложеніи. Первыми богослужебными книгами являются требникъ и служебникъ—вмѣстѣ, такъ называемый по-гречески евхологій. VIII книга Апостольскихъ Постановленій можетъ служить его древнѣйшимъ образцомъ, а въ VII в. уже упоминается о существованіи евхологія, какъ сборника извѣстныхъ молитвъ и послѣдованій требничнаго круга. Одновременно съ нимъ въ качествѣ богослужебныхъ книгъ явились евангеліе, апостоль и псалтирь съ избранными пѣснями изъ Библии. Эти книги вначалѣ заключали одинъ текстъ Библии; потомъ этотъ текстъ стали размѣчать примѣнительно къ употребленію во время службы, а уже затѣмъ, на основаніи этихъ размѣтокъ, появились служебные евангелія и апостолы, гдѣ чтенія были расположены по порядку церковнаго года и стали сопровождаться литургическими замѣчаніями. Ранѣе другихъ подверглась этому осложненію псалтирь,—къ ней стали присоединять библейскія пѣсни. Эти пѣсни послужили основаніемъ канонамъ, а послѣдніе появляются съ VIII вѣка, и подъ перомъ Дамаскина полагаются твердыя основанія октоиха. Сборники церковныхъ пѣсней нашли себѣ мѣсто въ кондакаряхъ, т. е. собраніяхъ кондаковъ, стихираряхъ и октоихъ. Письменный уставъ появился въ монастыряхъ и первоначально опредѣлялъ только самыя общія основанія отдѣльныхъ службъ; подробности же его развились вмѣстѣ съ развитіемъ богослуженія и появленіемъ отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ. Время не сохранило до насъ не только первоначальныхъ, но и древнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ, и извѣстные теперь рукописные матеріалы этого рода не восходятъ далѣе VIII—IX вѣка, да и тѣ составляютъ величайшую рѣдкость. Этотъ матеріалъ разсѣянъ по разнымъ книгохранилищамъ, какъ за-

граничнымъ, такъ и нашимъ отечественнымъ; многія изъ этихъ библиотекъ уже описаны, другія же еще ждутъ своей библиографіи. Изъ отдѣльныхъ сборниковъ службъ и послѣдованій греческой церкви, какъ древнѣйшихъ, такъ и послѣдующихъ, слѣдуетъ назвать нѣсколько, и они-то всего болѣе имѣютъ право на изученіе каждаго занимающагося литургикой. Вотъ эти сборники: 1) Постановленія Апостольскія. 2) Собраніе древнихъ литургій въ изданіи Ренодота и еще болѣе полною, но чрезвычайно дорогою,—Ассемановомъ *Codex liturgicus*. 3) Послѣдованія греческаго служебника и требника совмѣщены въ капитальномъ изданіи западнаго ученаго — Гоара: *Euchologion seu rituale graecorum*; тутъ же даны и хорошія объясненія соотвѣтствующихъ обрядовъ. 4) Богослужбныя пѣсни, каноны и разнаго рода послѣдованія, совершающіяся какъ въ восточной, такъ и въ римско-католической церкви, собраны у Даніеля въ его *Thesaurus hymnologicus ecclesiae universae*; въ послѣднемъ томѣ этого изданія содержатся гимны и послѣдованія восточной церкви — *Carmina ecclesiae Graecae*. 6) Главнымъ же источникомъ служить печатное изданіе нашихъ богослужбныхъ книгъ, для ученаго пользованія которымъ необходимо нужно сличать ихъ какъ съ греческими изданіями, такъ и съ текстомъ богослужбныхъ книгъ, находящихся въ рукописяхъ.

Исторія литургіи.

I.

Установленіе таинства евхаристіи. Литургія временъ апостольскихъ: ея общая схема; ея постоянныя и переѣнныя части. Отношеніе предстоителя къ совершенію литургіи. Свидѣтельство Плинія о богослужбныхъ собраніяхъ христіанъ. Составъ литургіи во II-мъ и началѣ III-го вѣка на основаніи свидѣтельствъ Іустина Мученика, Ириней и др.

Какъ совершалась литургія или, лучше сказать, евхаристія во времена апостоловъ? Исходнымъ началомъ и зерномъ литургійной практики послужило учрежденіе Христомъ новозавѣтной вечери. Какъ установилъ и совершилъ евхаристію Самъ Господь,—общій отвѣтъ на это даютъ намъ три первые евангелиста. Изъ нихъ мы узнаемъ, что „въ первый день опрѣсноковъ, въ который надлежало закалатъ пасхальнаго агнца, приступили ученики къ Иисусу и сказали Ему: гдѣ хочешь ѣсть пасху? мы пойдѣмъ и приготовимъ. И послалъ Иисусъ Петра и Іоанна и сказалъ имъ: пойдите въ городъ, и встрѣтитесь вамъ человѣкъ съ кувшиномъ воды; послѣдуйте за нимъ и скажите хозяину дома, въ который войдетъ онъ: Учитель говоритъ тебѣ: гдѣ комната, въ которой бы Мнѣ ѣсть пасху съ учениками Моими? И онъ покажетъ вамъ горницу (ἀνώγειον) большую, устланную, готовую: тамъ приготовьте. Они пошли въ городъ и нашли, какъ сказалъ имъ, и приготовили пасху. Когда настала вечеръ, Онъ пришелъ и возлегъ съ двѣнадцатью апостолами. И когда они возлежали, Иисусъ сказалъ имъ: очень желалъ Я ѣсть съ вами сію пасху прежде Моего страданія. Ибо сказываю вамъ, что уже не буду ѣсть ея, пока она не совершится въ царствіи Божіемъ. И, взявъ чашу и благодаривъ, сказалъ: пріимите ея и раздѣлите между собою. Ибо сказываю вамъ, что не буду пить отъ плода винограднаго, доколѣ не прійдетъ царствіе Божіе. И, взявъ хлѣбъ и благословивъ (εὐλογῆσας), преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: пріимите, ядите; сіе есть тѣло Мое. И, взявъ чашу и благодаривъ (εὐχαριστήσας), подаль имъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ; ибо сія есть кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ“ (Лук. XXII, 7—20; Марк. XIV, 12—18,

22—24; Мф. XXVI, 17—21, 23, 26—88). Въ приведенномъ разсказѣ не только изображена обстановка совершенія Христомъ ветхозавѣтной пасхальной вечери, не только ясно поименованы оба вида новозавѣтнаго таинства, но содержится указаніе и на внѣшній пріемъ ихъ освященія. Словами: *и благослови въ, и благодаривъ*, означается молитвенный актъ, предшествовавшій преломленію хлѣба и раздаванію чаши. Къ сожалѣнію, евангелисты умолчали о томъ, какъ именно *благослови въ, какую благодарственную молитву* произнесъ Спаситель надъ хлѣбомъ и виномъ; изъ ихъ повѣствованія можно видѣть только, что Іисусъ Христосъ совершилъ новозавѣтную пасху или таинство евхаристіи послѣ ветхозавѣтнаго пасхальнаго обряда и въ связи съ нимъ. Поэтому обряды и молитвы ветхозавѣтной пасхи составили какъ бы вступленіе къ евхаристіи и, весьма вѣроятно, послужили образцомъ, по которому выработался канонъ евхаристіи.

По закону, хозяинъ дома или старшій членъ семьи, отправлявшій пасху (то-есть раздроблявшій пасхальнаго агнца, раздававшій его присутствовавшимъ за вечерію и рассказывавшій исторію установленія послѣдней), произносилъ при этомъ цѣлый рядъ псалмовъ, отъ 113-го по 118-й, и это составляло такъ называемый *галлель*, или молитву хвалы и благодаренія. Во время первой и второй чаши прочитывались первые два псалма, представляющіе величіе и силу Іеговы, которыя выразились въ избавленіи евреевъ отъ рабства. Предъ 2-й чашей отецъ семейства въ отвѣтъ на вопросъ сына, почему эта ночь отличается отъ всѣхъ ночей, объяснялъ по Исх. XII, 26 цѣль и значеніе вечери, воспоминаль избавленіе евреевъ отъ рабства въ Египтѣ ¹⁾. При употребленіи третьей чаши произносились остальные псалмы отъ 115-го до 118-го, въ которыхъ высказывается благодарность Іеговъ за помощь и спасеніе въ несчастіи, и содержится благодарственная пѣснь Мессіи за избавленіе Его отъ смерти. Произнесши слова послѣдняго псалма: *благословенъ грядый во имя Господне* (Пс. 117, 26), хозяинъ дома бралъ четвертую чашу съ виномъ и произносилъ надъ нею молитву (*εὐλογία*), въ которой отъ лица своего семейства прославлялъ и благо-

¹⁾ Пасхальная вечеря у евреевъ была настоящимъ ужиномъ. Повліяло ли это на соединеніе евхаристіи съ агапами и совершеніе ея вечеромъ?